

Из поэтов Вьетнама

Возвращение в деревню

КУОК БАО

Као и Ланга районы свободны, мама!
Французы рассеяны, истреблены.
Разогнали пиратов солдаты Вьетнама,
Их винтовки забрали: они нам нужны.

С давних пор, укрываясь в лесах от войны-непогоды,
Видя только ручьи да зеленые эти холмы,
О прошедших годах, о празднике Нового года,
Как о чем-то далеком, вспоминаем изредка мы.

Помнишь ночь грозовую, когда под ударами ветра
Наша хижина рухнула! И она ли одна!

На тропинках наши ноги стали черны от пиявок...
Мы наутро услышали выстрелы — это была война.

Черный дым и огонь. Пламя все поглощало:
Покрывала, одежду, занавески от комаров...
Ты меньшого братишку на спину привязала,
Мы бежали по лесу, пробираясь в гуще стволов.

Ты бабушку нашу слепую вела... Мы встали в овраге.

«Что теперь будем делать! — сказала ты мне. —
Твой отец не вернется...» Я слышал, как он закричал им:
«Ссбаки!»

И я видел тело его, распростертое на земле.
«Сын мой! Эти пираты отца твоего убили!
Кто же вырастит братьев твоих!

Эти стихи помещены в стенной газете одной из рот Народной армии Вьетнама.

Кто палку будет держать, когда бабушка наша умрет?»¹.
Ты заплакала. Я по земле катался: я был бессилен.
Ты сказала, чтоб я не кричал, а не то нас враг перебьет.

Хижины были разрушены.

Вокруг ни людей, ни досок, помнишь, мама!

Я снял куртку, чтоб накрыть ею тело отца.

Ты лицо его шалью закрыла. Мы снесли его в яму.

Были руки залиты кровью, а глаза тяжелее свинца...

Варвары! Колониальные варвары! Мы отомстим вам!

Слышите! Мы уничтожим вас всех!

И теперь в районах Као и Ланга, мама,

Люди с цепями возвращаются из чаш,
и повсюду звучит их смех.

Оживают поля, заросшие сорняками.

Я пашу, ты косишь траву. Мы начинаем жить!

Школа, как улей, гудит. Над крышами дым завитками...

И не скроет трава дорог, тигры не будут селиться в саду,

Цветы на ветвях снова станут плодами,

И плоды, опадая с деревьев, не будут гнить.

Солнце всходит. Забрел рассвет над землей Вьетнама.

Но французы и янки еще не убрались домой.

До свиданья!

Я еду. Будь счастлива, милая мама,

Я вернусь, когда будет свободен мой край родной.

¹ Во Вьетнаме существует обычай: на похоронах родителей старший сын опирается на палку.

Ночная жатва

КИНЬ КХА

В полях благоухает рис,
Под тяжестью зерен склонился он.

Опустела деревня.

Ночь идет.

Работать в поле

Пришел черед.

Нельзя с урожаем медлить нам,
Нельзя оставлять на сожженье врагам...

Ты, ночь, раскинь повсюду тень
И нам в беде защитой стань,
Помоги трудовой закончить день,—
Ты голода и обилья грань...

А сердце бьется: только б успеть...

Колосья нащупываю рукой.

Я жну. Блестит во тьме ночной

Мой острый серп, товарищ мой.

Я спать не буду до зари,
Чтоб рис в деревню принести.
Слаба я, ты силен, силен,—
Мы каждый колос подберем...
Ночная тьма, ты нас укрой,
Чтоб к сроку кончилась страда.

Скорей, товарищ мой:

с зарей

Французы явятся сюда.

Перевела М. ПАВЛОВА

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Перед экзаминаторами стояла женщина, возраст которой определить было трудно. Две глубокие вертикальные морщины скорбно обрамляли рот; во встревоженных глазах словно застыл испуг, и женщина смотрела несколько диковато, исподлобья.

Одета она была, как обычно одеваются горянки: скрывающая фигуру, длинная, вся в сборках юбка, большой платок серого цвета, укутывающий плечи и голову и заброшенный одним концом на спину.

Рубен Симонов, продолжая внимательно изучать ее взглядом, тихо перемолвился несколькими словами со вторым экзаминатором — Виктором Яковлевичем Станицыным. Женщина поступала в Государственный институт театрального искусства. Но она не знала, кто ее экзаменует. Она никогда не была в Художественном театре, где играл ведущие роли Станицын, не была и в Вахтанговском, где такое же положение занимал Симонов. Больше того: она даже не слыхала об этих театрах.

— Так вот что, — сказал Симонов, заглянув в записочку, которую держал в руке, — так вот что, Серафима. Вы нам покажете сейчас следующее...

Женщина слушала напряженно и тревожно.

Чувствовалось, что больше всего она волнуется из-за того, что боится чего-нибудь не понять или понять неправильно: русский язык она знала недостаточно хорошо.

— Вы пришли на завод. У вас дома, скажем, двое детей. Мужа нет. Однако вас не берут, — на этом заводе, как вам кажется, принимают только по протекции — по знакомству. Вы возмущены этим. Ясно?

Женщина задумалась. Туже сжался рот, еще резче обозначились морщины.

Устроиться на работу, безработица... Безработица тогда только что ушла в прошлое: дело происходило в начале тридцать первого года.

— Если поняли, — играйте. Вам нужно добиться от директора, чтобы вас приняли. Директором буду, допустим, я.

Симонов уселся за круглый маленький столик у стены и, развернув газету, принялся за чтение.

Серафима Икаева минуту продолжала стоять неподвижно, а затем осторожными, робкими шагами приблизилась к столу.

— Товарищ директор... — начала она просительно и, видимо, привычно прикрыла платком рот. — Товарищ директор, пожалуйста, послушайте меня...

Симонов продолжал читать.

Тогда Икаева неожиданно стукнула маленьким, твердым кулаком по столу.

— Я тебе говорю! Понимаешь, что я говорю? Меня дети голодные ждут: что мать кушать принесет? А ты — газеты читать? Слушай, когда тебе говорят!

Она не обратила, казалось, никакого внимания на то, что газета упала на пол из рук по-настоящему удивленного Симонова, а сам он, вскочив с места, занял только тем, что двумя руками держит злосчастный столик. Уже нельзя было понять: играет эта женщина или всерьез видит перед собой директора.

— Отвечай: будешь меня принимать?

Симонов вдруг часто утвердительно закивал головой:

— Да вы успокойтесь. Конечно, приму. Я вас с радостью приму.

Разобрать из его слов, относятся ли они только к роли, взятой им на себя, или касаются также приема Икаевой в институт, было уже невозможно.

Икаева вытерла углом платка рот. Улыбнулась.

— Ну, вот... А то говорили: нет мест, нет мест...